

За третий год нахождения Нориэля в племени Слушающих Духов произошло сразу два крупных события: во-первых, прошлый вождь пал в бою. Абсолютно спонтанно, случайно. Простая стрела, так удачно попавшая прямо в горло.

Для чудотворца — максимально глупая, даже смешная смерть.

Обладая силой подчинять духов, он мог приказывать им ему помогать, делая себя сильнее и быстрее. Фактически, он делал то же самое, что делал Нориэль, но разница была в том, что молодой эльф никого не подчинял и не заставлял. Нориэлю казалось странным то, что подчинённые духи не смогли защитить своего порабощителя от стрелы. По своему опыту он знал, на что потенциально способны духи, имея цель защитить кого-то.

Впрочем, как ни странно, становившийся всё менее наивным мальчишка имел определённые предположения.

Смерть вождя довольно сильно ударила по племени, однако далеко не так, как могли подумать их недоброжелатели, которых с каждым месяцем становилось всё больше.

Казалось, это было началом новой вехи племени, ведь пришёл черёд нового вождя. Вождя, что собирался повести их вперёд к новым победам. И совсем не нужно было уточнять, кто им стал. Это было настолько очевидно, что Малик, Насмехающийся над Традициями, вступил в новые права в тот же день, как пал прошлый вождь. Он буквально объявил себя следующим лидером не просто племени, но целого объединения. Стариков же, что могли противиться этому, уже давно не осталось: кто совершенно случайно умер от старости, кто от болезни, кто вдруг перестал противиться воле молодого варвара, полностью приняв его власть. Да и смысла особого противиться не было.

Сила. Всё решала чистая сила.

Не считая смерти вождя, чистка внутри и за пределами родного племени проходила незаметно. Лишь молодой эльф, знающий о том, куда и на что смотреть, понимал, что творилось за кулисами. Не за один месяц, а в течение всего года. Столь «мелкие» и «незначительные» перемены просто размывались на фоне многочисленных походов Малика, всех его речей и тут и там мелькавшей повсюду игры на флейте Нориэля, что успокаивала и мотивировала даже тех, кто, как и один флейтист, понимали весь ужас происходящего. Его мелодия расходилась по захваченным племенам, которых становилось всё больше, его мелодия играла в ушах тех, с кем варвар решил стать союзником и тех, кого он решил защитить от других племён.

Игра Нориэля медленно разносилась по всем западным землям, но это совсем не приносило радости ни молодому эльфу, ни образу Айши позади него.

Они хотели разнести свою игру совсем иначе; не превращать её в символ великой победы для одних и символ ужасного поражения для других.

Нориэль всё чаще задумывался над своим местом в племени, он чувствовал, что в нём потихоньку что-то надламывалось. Происходящее психологическому здоровью молодого эльфа точно не играло на пользу, и лишь медитации со сном как-то его спасали. Мальчишка сам не заметил, как стал медитировать большую часть дня и периодически засыпать на целую неделю.

Смерть же вождя была той последней каплей, что создала в сознании парня первую настоящую трещину.

— Ему обязательно было умирать? — тихо прошептал мальчишка.

— Все мы когда-то умрём, мой ушастый друг, — неопределённо хмыкнул варвар, хитро прищурившись. — Кроме тебя.

Кажется, Малику уже довольно скоро должно было исполниться двадцать лет. Нориэль был не уверен, когда точно родился его друг. Они оба могли лишь гадать.

Варвар уже совсем не напоминал того, с кем молодой эльф встретился в самом начале. Тело варвара становилось всё больше, покрывалось тугими мышцами, татуировок на нём становилось и того больше. У каждого вождя племени были длинные волосы, и Малик, как ни странно, не стал противиться этой традиции, и сам став их отращивать. Затянутые в хвост, в бою они ему никак не мешали. Окончательно же завершало его преображавшийся образ борода, добавлявшая варвару какой-то... дикости. Впрочем, самыми пугающими у варвара всё равно были именно глаза: умные, хитрые, расчетливые.

Дикий зверь — опасен, безумно опасен, но умный дикий зверь...

— И всё же, — стоял на своём мальчишка, чувствуя, как у него слипаются глаза. Он вновь хотел уснуть на неделю-другую. Либо погрузиться в медитацию столь глубокую, что от сна это отличалось бы одним только названием, да пользой для окружающей природы. Впрочем, погрузиться в такую медитацию было заметно сложнее. — Иси выглядела очень грустной.

— Переживёт, — поморщился варвар. — Эта смерть — лишь случайность, ушастый. Никто не застрахован от этого.

Нориэль какое-то время смотрел на своего второго друга, после чего медленно кивнул.

Кажется, внутри него появилась ещё одна маленькая трещинка. Его глаза слипались всё сильнее, он хотел спать.

Ребята, как обычно, немного помолчали.

— Я видел портрет, что ты сделал для вождя, — неожиданно заговорил Малик. — Могу ли я попросить у тебя такой же, но уже со мной?

Нориэль прикрыл глаза, над чем-то задумался, после чего открыл их и слабо улыбнулся, сняв с пояса флейту.

— Конечно.

Во-вторых, в тот же год Иси родила Малику наследника. На свет появился полностью здоровый и крепкий ребёнок, что в будущем должен будет возглавить то, что методично выстраивал его отец. Иси едва смогла пережить роды, и её спас лишь факт того, что она была чудотворцем и игра на флейте Нориэля, которая подпитывала тело девушки и не давала ей умереть.

Под конец родов Нориэль был порядком истощён. Он буквально валился с ног, и если бы не помощь верных друзей, то он давно упал. Его успокаивала лишь счастливая улыбка дочери прошлого вождя, что держала в руках новорождённого сына.

— Спасибо вам, Великий Дух, — ярко улыбнулась девушка, с нескрываемым фанатизмом смотря в глаза валящегося с ног подростка. — Если бы не вы, то я бы не смогла увидеть своего ребёнка.

Нориэль отстранённо кивнул, задумавшись над тем, что у большинства животных, за которыми он наблюдал, процесс родов проходил намного проще и легче.

Малик всё это время находился поблизости, нечитаемым взглядом смотря на своего наследника. Нориэль видел, что новый вождь племени перед ним над чем-то серьёзно размышлял.

Чем больше Малик воевал — тем серьёзнее и суровее становился его характер. И дело было не в том, что война его ломала также, как ломала молодого эльфа. Скорее, лишь на поле боя он начинал чувствовать себя по-настоящему живым. Нориэля ужасало понимание этого, но он ничего не мог с этим поделать. Всё остальное приносило Малику всё меньше радости и удовольствия, и лишь общение с вечно молодым эльфом оставалось тем, что его немного успокаивало. Пожалуй, потому что подросток был единственным, кто действительно его не просто слушал, но и понимал, и тот, кто был таким же уникальным, как и он.

Нет.

Намного. Намного более уникальный.

Бессмертный.

— Дай мне его, Иси, — спокойно, даже нежно обратился к своей женщине Малик, что-то для себя решив.

Иси молча передала ребёнка Малику. Молодой мужчина, держа сына на руках, какое-то время смотрел на него, после чего широко улыбнулся.

— Его будут звать Каим. Видят Духи, он продолжит моё дело. Нориэль, — Малик повернул голову на молодого эльфа, взгляд мужчины пылал нескрываемым безумием. — Будь уверен, в моём роду ты навечно останешься уважаемым гостем и другом.

Нориэль слабо улыбнулся.

— Мне хватит и того, чтобы вы освободили заточенных духов. Дружбы же мне достаточно и с тобой.

Малик, услышав подростка, раскатисто засмеялся, чем разбудил только уснувшего ребёнка, что громко, неприлично громко расплакался, чем вызвал ещё более раскатистый смех у своего отца.

Вскоре племя принялось отмечать рождение наследника вождя. Мужчины и женщины вновь принялись танцевать, по окружающему пространству вновь разнеслось чьё-то пение (вызывающее у молодого эльфа не шибко много положительных эмоций). Звуки барабанов, которые так часто звучали на поле боя, заполнили всё племя, и с каждым ударом барабана подросток чувствовал, как внутри него продолжали появляться трещинка за трещинкой, как всё тяжелее ему становилось находиться в племени диких людей. Как с каждым ударом барабана он всё сильнее хотел уйти.

К счастью, в тот день его не просили (просили ли?..) играть на флейте.

Нориэль, едва стоя на ногах, у самого края племени молча наблюдал за праздником, ещё не до конца понимая, что стал свидетелем рождения новой династии.

Его спасало лишь то, что он мог погружаться в собственное чудо. Земля под ногами, впрочем, продолжала неуловимо уходить всё дальше и дальше.

Ход времени потихоньку ускорялся и ускорялся, и вскоре Нориэль окончательно перестал понимать происходящее. В носу всё чаще появлялся запах крови, в голове всё чаще слышался хруст костей и крики поверженных, глаза всё чаще видели детей, что больше никогда не увидят своих родителей.

Всё это было частью человеческой природы. Не перерождённому духу природы противиться этому, не так ли?..

Единственное, что хотя бы немного успокаивало мальчишку — неизменный рассвет. С каждым днём он становился для него всё более и более притягательным.

Ему стало казаться, что восходящее солнце потихоньку начало тянуть его. Куда-то далеко за пределы воюющих племён и западных земель, куда-то далеко от ставшего привычным запаха крови и звука хрустящих костей. Дальше на восток. Туда, откуда прибыли песочные люди, что принесли знания про столь желанное чудо.

Но пока это чувство было не таким сильным.

Нориэль готов был терпеливо наблюдать и ждать, когда Малик выполнит своё обещание и передаст ему продолжавшиеся копиться знания, как и ждал того, когда его друг отпустит заключенных ещё прошлым вождём духов.

К сожалению, варвар, поняв, кем на самом деле являлся Нориэль и сколько он готов был ждать, решил воспользоваться этим, не слишком торопя события.

Пусть молодой эльф и не жалел о том, что покинул Лес, он всё чаще задумывался над словами Старейшины.

Одна зима сменялась за другой.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3240036>